

A Soviet propaganda painting depicting a young man and woman in 1930s attire. The man, on the right, wears a white shirt and a dark tie, holding a blue book titled 'ЛЕНИН СТАЛИН'. The woman, on the left, wears a dark dress over a white blouse. In the background, two large portraits of Lenin and Stalin are visible against a red, draped fabric. The overall style is characteristic of Socialist Realism.

Теннадий Леонидович Копытов

Комсомольское
затмение
августа

Роман

Геннадий Леонидович Копытов

Комсомольское затмение августа. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42572668

ISBN 9785449678904

Аннотация

«...Так и мы, когда любим, то не перестаем задавать себе вопросы: честно ли это или нечестно, умно ли это или глупо, к чему поведет эта любовь и так далее. Хорошо это или нет, я не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает – это я знаю». Чехов А. П.

Комсомольское затмение августа Роман

Геннадий
Леонидович Копытов

© Геннадий Леонидович Копытов, 2024

ISBN 978-5-4496-7890-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Комсомольское затмение августа. Мини роман.

Часть I. Не жестокий романс

«...Так и мы, когда любим, то не перестаем
задавать себе вопросы:

честно ли это или нечестно, умно ли это
или глупо, к чему поведет эта любовь и

так далее. Хорошо это или нет, я не
знаю, но что это мешает, не удовлетворяет,
раздражает – это я знаю.»

Чехов А. П.

Друзьям посвящаю: Тимошкину Игорю,
Святцеву Валерке, Мельникову
Владимиру, Реброву Евгению, Строгову
Михаилу, Борису Серегину.

1. Облом Петрович.

Марченко Валерий Петрович, наш тренер по дзю-до, неожиданно, расстроил заявлением, что поехать с нами не может и наш полноценный спортотряд, числом в 8 «бойцов», пристегивают к обычному, обывательскому отряду номер один... Радовало только, что там, наверняка, будут девочки. А вездесущий зам. Петровича – Рубцов Александр Васильевич – не будет загонять пинками в спальню в 22—00, контролируя спортивный режим.

К тому моменту я окончил первый курс техникума. Мне 16 лет. Я был заместителем секретаря комсомольской организации группы и казался себе взрослым, и самостоятельным, на фоне друзей десятиклассников.

2. Спортсмены-алкоголики.

29 июля.

Около спортзала погрузка в автобусы.

Выхлопной бензиновый чад, округлые бока автобусов, пыльные выпуклые линзовые окна «ЛИАЗов».

Линялым, дымящимся полозом колонна «басов» потянулась по вянущим, от жары, улицам города, по загородным перелескам, приближаясь к зеленым чащам.

Стук веток по крышам автобусов. Мы дома – мы в лесу.

Не успели приехать, как тут же, симпатичная медичка завернула нас с Игорьком в Тулу.

Оказалось, что не оказалось каких-то справок о прививках.

– Противогонорейных! -ляпнул простота Игорёха.

«Бойцы» попросили взять кимоно, в наивных надеждах на тренировки, или показательные выступления.

Поперлись попутками в Тулу. С нами увязался Женька Ребров. Буробил, что-то про фотокружок.

Мы быстро управились со справками. Я добежал до медпункта своего «технаря», Игорь до своего «калинарного» училища

С ЖенькОм в «Фототоварах» купили реактивов, пленки, бумаги, но Игорь, как назло, успел купить ...водки. В загажном кармане, фекально озонирующем, мы «ее» побороли, окаянную. Хотя давились и плевались и отдышивались, как перед заныриванием.

Ребров отказался «заныривать».

Перед посадкой на рейсовый автобус Гарик (он же Игорь) вынул из себя бутылку пресловутой «Червивки». И вот она уже приятно размещается и движется внутри нас, а мы внутри кустарника.

Естественно, ситуация, с этого момента, вырывается из-под контроля.

Мы ее ситуировали, а она нас нет.

Но кимоно-то я, все-таки, захватил!

До поселка Хомяково, добрались, без происшествий. Хоровое пение в «бусе» – не в счёт.

После высадки Игорь затребовал пива, ссылаясь на «законное право – посетить пивбар». Евгений урезонивал его достаточностью ранее «принятого».

Ненадолго затаившийся, Тимошкин, на границе поселка и леса, понимая, что «бар» вот-вот останется в прошлом, вновь воззвал к нашей сознательности. Так как к тому времени, я уже был не в состоянии соборно резонировать его просьбу, за меня повторным отказом ответил Женек.

Вот тут-то и началось непонятное, фантазмагоричное.

Тимошкин, вдруг, бросился бежать.

Ребров запрограммировал меня командой:

– Тут стой! Ни с места!! – сам ринулся за беглецом.

Гарри кидало, от одного края улицы до другого, но бежал он довольно быстро.

Женьку качало тоже... кажется. Но с нами он не злоупотреблял! Значит мощно штормило меня.

Бабки всех мастей, от ветхих двухэтажных барачков, кричали вслед:

– Лови, лови его касатик! —

Бабок тоже качало.

Шаткая погоня стремительно исчезла за углом дома, через секунду появилась с другой стороны...

Все трансформировалось! Из горизонтальной взаимосвязи, они перестроились в вертикальную последовательность – тавровую. Представляли собой букву «Т». Для бабуленций, от подъездов, это выглядело так, что один тащит другого, как барана, на горбу.

Мне же, почудился в этом, спяну, некий глубинный синкретический символизм.

Ребров снял с меня программу криком «Вперед! За мной!» и мы загрузились в лес.

Здесь Женька решил не вести нас в лагерь в таком, «паленном виде». Уложил спать прямо на землю.

Это была тактическая и физиологическая ошибка. Через полчаса нам стало «дуже недобре». Деревья завертелись в тошнотворной зловеще-геликоптерной карусели.

Мы поочередно рвались на жухлую траву, распугивая

окрестное зверье утробным ревом динозавров.

Из тумана зеленого, вязкого и противного явился Евгений с ведром с чьего-то забора, полным ледяной воды. Он долго кунал туда наши бессмысленные физиономии, пытаясь добиться возвращения в «размякшие тела» личности и преобладания ее над критическим хаосом.

Каким-то образом ему, все-таки, удалось этого добиться. Женек вернул спасительное ведро, поднял, построил нас в затылок, пытался управлять нашим строем. Но строй был срочно развален, обнявшись с Игорем, хоровым пением мы глушили лесные периферии. Но оно не сильно отличалось от предыдущего рева диносаурус—рекс.

– Вот! Новый поворот! -вопили мы, а сами падали, не вписываясь в повороты и натываясь на стволы, ниспадая в овраги.

На перекрестке, где лес выходил к асфальту дороги Хомяково-Архангельское, пришлось срочно заткнуться и спешно завалиться в кусты орешника. Непредвиденная черная «Волга Газ-24», подозрительно похожая на директорскую, пересекла нам путь.

Долго бродили по перелескам и лугам, обходя крупные дороги. Валялись в тени березок, пели блатной и эстрадный бред.

В отряде появились только к вечеру.

Ужаснувшейся на нас вожатой я пояснил:

– Марина, я тверзьяк! – и завалился спать.

Долго, потом, знакомые стебали меня этой простенькой фразой.

3. На рефлексках.

30 июля.

В этот день были всякие бессмысленные организационные мероприятия.

Знакомство с руководством отряда и лагеря, выбор всяких редколлегий, председателей, совета отряда, замов чего-то, набор куда-то, какие-то «очумелые ручки», Женькин «фотографический» и прочее.

Я же чувствовал себя очень дурно. К вечеру выяснилось, что полузабытье не кончается.

Я рефлекторно ходил в столовую и на мероприятия.

Всеми ожидаемая, дискотека отменена, и вечером валяли дурака.

Ребята намылились к девчонкам в соседнюю дачу. Я поперся с ними. В руках у меня оказалась гитара. Я уныло брэнчал в нее «Сувенир» Демиса Русоса, подвывал, ныл, нюнил. Короче создал – музыкальный пасквиль... Девочки удивленно рассматривали меня:

– Плачет, что ли?

Я, понял: что-то не так и рефлекторно удалился спать.

4. Затмение.

31 июля.

Сегодня будет солнечное затмение. Я прочитал о нем в «Технике-Молодежи» еще полгода назад, но инициативу перехватил наш доморощенный астроном, Женька Ребров! Пока я находился в тупящем постпохмельном вакууме. Он заранее, с вечера, накопил стекло, и собрал кворум.

В 5—20 Ребров растолкал желающих и потащил на берег пруда. На астрономическую экспедицию решились пятеро: я, Игорь Тимошкин, две девочки из нашего отряда, и председательствующий Женька. Он считал себя продвинутым астрономом. Помню, еще с далекого детства, самодельные телескопы и трубы, звездные карты, валяющиеся беспорядочно по его тульской квартире.

Видимо, все-таки, на тот период, он был более нас, сведущ во всем этом астрономическом дилетантизме.

Однажды ругаясь с «Бубой» (Строговым Михаилом) Женька обозвал того «Утконосом». Что, соответствовало физиологической действительности, нос реально был приплюсненным, то в ответ услышал фразу, которая стала нарицательной в нашем кругу. Привожу почти дословно, с мел-

кой купюрой:

– Астроном, ты наш «долбанный»! Луну от Солнца отличить не можешь!

Полусонная экспедиция, утащив инвентарные одеяла, неуверенно царапалась по темному предутреннему осиннику, западая в рытвины, вымоины на заглохшей лесной дороге. Наконец-то выбрались на берег пруда.

До затмения, было, минут тридцать, мы с Гарриком забрались под одеяло, дремали, грея друг друга спинами.

Все эти красоты и явления природы: прохладная шаткая плоскость пруда, нарастающий гам птиц, утренние потемки, не став рассветом, вдруг перешедшие в сумрак затмения, вроде и беспокоили меня и интересовали, но болезненность обезличивала все это! Все казалось рядовым, постным.

Я вспомнил, многочитанное мною, «Солнечное Затмение» Альберта Лиханова, подумал: – вот бы и мне, нечто этакое, обустроить. Какой-нибудь «закат солнца вручную» с некой Young girl, -и уснул.

Сырой ветер от пруда студил меня и сквозь одеяло. И затмение я, конечно, же, проспал.

Прочие, честно пялились на затмение.

Ребров, опять, растолкал нас:

– Пошли в лагерь на «подъем»!

Я глянул на конечную фазу идиотского затмения – корявый огрызок солнца с пятном грязи сбоку...

И стоило ли из-за этого сюда тащиться в такую рань?!

Шли обратно по просветлевшему уже лесу. Я впервые почувствовал э т о. Странное неприятное ощущение – боковое зрение захвачено каким-то желтым туманом. Ощущение нереальности происходящего!!! Дрянь какая-то!

5.Медсестра

Вечером – у Тимошкина – высокая температура, у меня тоже.

Расстроенные – (лазарет в самом начале сюжета!) – мы сдаемся в санчасть.

А быть может и не зря. Очень, даже милая медсестра (конечно же, она была «врачом», но для нас с Игорехой – медсестрой, мы так ее между собой называли) залечивала наши прозябшие раны. Целых три дня. Что-то вроде флирта скользнуло, между нами.

Я сильно подозреваю, что причина заболевания – известное обливание в Хомяковском лесу и ледяное утро затмения.

Обидно было слушать по вечерам музыку с дискотеки! Танцы, по закону подлости, открылись в первый же день нашего возлежания в изоляторе.

У всех Sunrise, а у нас Moon decline.

Вялые, через три дня, вернулись в отряд, понимая, что «контингент» уже разобран...

6.Ленка

Не помню, как это началось. Случайно отметил яркую желто-красную куртку в нашем отряде. Лицо еще долго не смог разглядеть, сослепу... Смутно видел лишь: большие глаза, крупные яркие губы, тонкая талия. Но пока все еще не решался – подойти и рассмотреть подробнее.

Две недели я бесцельно валял дурака – спал, что-то читал (нашел место!), занимался с Ребровым запрещенным карате, который уже успел нахвататься «верхов где-то в подполье».

Была экскурсия в Тулу на финал «Зарницы». Перед открытием – показательные выступления десантников. Наши показухи – бледненькое фуфло в сравнении с их динамичными выкрутасами. Обсуждали с парнями, что из этого можно было бы включить в наши показательные выступления по дзю-до.

Возвращались домой, то есть в лагерь, на остановке Игорь заметил нашу «медсестричку». Наверное, ехала с отгулов в лагерь. Гаррик решительно настроился вечером подкатить к ней.

Потом вообще началась тоска: тупые споры по вечерам, что лучше Базаров или Чапаев, Колобок или Чингач-Гук.

Бред-бредовый! Вообще я заскучал.

7.В Москву

12 августа.

Но тут руководство лагеря выдало отряду поездку в столицу Союза Советских!...

В пыльном «Львiве» летели к Москве под дребезг Бубиной гитары и АББовское «Маня, Маня шлет Ваня, свой большой привет!»

Я, с Володей Мельниковым рядом на сиденьях. Очень удачно уселись. Ленка со Светой впереди на соседних креслах.

Всю дорогу «садились» им на уши! И похоже «поднаесли» основательно.

Я еще подумал: «десять дней (до окончания очереди) – так мало, чтобы начать и слишком много, чтобы закончить!»

Потом была Москва – как много в этом звуке (с точки зрения голодных и не разбалованных провинциалов) колбасы, мяса, конфет, шмоток, фарцмажоров и прочей непотребности.

Преданно и фанатично пучились мы на мавзолей, замирали комсомольские сердечки, вглядываясь в непроглядную

тью окон правительственных зданий и на самые главные «Куранты Страны».

Завороженно шлепали по реликтовому булыжнику Красной Площади. Мы не могли себе представить уровень будущего бардака, что скоро, здесь нагло усядется, как на просеке, на «Сессне-172 Скайхок» Матиас Руст, и потом еще 1,5 года не сможет взлететь.

8. Диссидент.

Я дурачился и смешил всех в «самом сердце» Москвы в Кремле...

Вот эти черно-белые фотографии: под валом и стеной, около Царь-Пушки, элегическая картина возле гранита «Тула», в ряду городов-героев.

Здесь мы стали свидетелями странного происшествия.

Мельников закричал:

– Смотрите! Диссидента берут! —

Он, уже тогда, знал это скрипучее, змеино-свистячее слово.

Метрах в ста от Лобного места некий мужичонка, вполне пристойного вида, развернул и поднял над головой какой-то плакат и что-то убежденно втолковывал гражданам

вокруг себя. Граждане шарахались, ускоренно огибали мужичка, затравленно озираясь, старались отскочить подале. Длилось это секунд 20—30.

От ГУМа, гоня колесами толпу, рывкнули две черные «Волги». Два гэбиста, с мужественными красивыми лицами, почему-то, оба похожие на Илью Муромца, ликом и мощью. Красные от напряжения, в четыре руки, слаженно вогнали своим профессионализмом «пришельца» под крышу «Волги». Машины ринулись обратно.

Как сознательные комсомольцы, мы осудили наглую вылазку вражины, устроившего в Центре Родины дерзкую провокацию!

Все, согласовано, довольствовались реакцией, более начитанного и политически прогрессивного, Мельникова Вовки:
– Совсем обнаглели!..

Из Москвы возвращались счастливые, приобщившись к Московским Великим Таинствам.

Пишу на полном серьезе, без демонического антисоветского стеба, только с легкой иронией и о том, что выше и то, что ниже.

Мы гордились и гордимся нашей страной. Обожали ее, тогда и сейчас! Эту страну! Нашу Родину!! Тогда СССР – ныне Россию!!!

«Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя.

Спроси себя, что ты можешь сделать для нее?»

(Джон Фиджеральд Кеннеди)

Nos est principium vitae!

Я дребезжал под гитару:

– У беды глаза зелёооные...

Девочки недружно подхватывали:

– Не простят не пощадят...

– Не тобой рубашка вышита,

– Чтоб я нравился тебе! —перекрикивал я гул мотора

и диссонанс девичьих голосов, и хитро кивал на Аленку.

Буба отобрал у нас свою гитару :

– Унылости ноете!

Отчубучил «развеселую» «Темную ночь».

Тепло и вечерний бардовый свет лились из мрачной глуши подмосковных, зелено-синих лесов.

9. Дискотека. Темные аллеи.

Этим же вечером в 21—00 дискотека.

Приглашаю Елену на танец, под наикрасивейшую композицию «Джони».

Потом втянул ее в наш круг – на совместную трясучку. В моде были танцевальные марафоны и фээргэвский хэн-

сэмбл «Чингиз-Хан». Мы, сознательные комсомольцы считали эту буржуйскую ВИАху группой фашистского толка, хотя, о чем поют – перевести было некому. А тут дружно и непатриотично, наши бойцы, начали дрыгаться под «Москва-москау». Я поведал, вслух свой вариант перевода. Наш круг, тут же, остановился и принципиально не скакал под «фашистов». Мы сурово осматривали несознательных пионеров и комсомольцев, укоризненно качая головами.

Это, потом, спустя много лет, я узнал, что песня «Москва» – это почти гимн Москве и России.

Если бы было иначе, думаю, что она, просто бы, не звучала на дискотеках!

И более других в фаворе был, не сходящий из-под иглы, наикласснейший сингл «Johnny!»

Недавно, мельком, услышал в автобусе. Водила крутил по «Маяку», ринулся – попросить: сделать погромче! Но-стальгия нахлынула, резко, неожиданно, не вовремя. Я упирался в локти и спины граждан, но ментально загрузился в тень темной Солнечной фазы августа того, бесконечно, далекого года. На границе вспышки короны и полного мрака... Я чуть не разрыдался. Почему??? Откуда и зачем эта наивная сенситивность?

Хорошо, что народу было много – не смог прорваться!

Только через 30 лет, из интернета, я узнал что пела ту завораживающую песню, с хрипловатым придыханием, надрывно, гиперсекси Джилла – Гизела Вюхингер – австрийская певица из Линца.

Потом погуляли по вечерним аллеям лагеря. Темные аллеи между рядами акаций, как у старика Тургенева Иван Сергеевича в любимом Спасском! Только не литературный избыток эпохи в кустах – бетонные чаши и цементные пионеры с горнами на пьедесталах.

Все так просто. Разговоры... о чем? Да ни о чем! Никакой политики, никаких проблем, кроме себя, конечно же.

– Ты кто по национальности? – мой вопрос. Зачем? Неужели это меня тогда беспокоило?

– Русская... или полячка, наверное... Отец был поляк.

– Был? А что с ним, где он сейчас?

– Лучше о нем не спрашивай!

– Хорошо, а что ты любишь? -я

– Читать, -она.

– Кого? -я

– Моя настольная книга Антон Павлович Чехов.

– !!? – я ржу про себя, неудержимо. Вот, что означают эти знаки.

В то время у нас в моде были расставания с девочками в,

так называемом, «чеховском» стиле.

Поясню. Поначалу выдается, со слезливой чувственностью и надрывом, «прости и прощай, о возлюбленная небом», далее переходит в холодящую чопорность. Сухо и немного гневно:

– Нам не суждено более видеться, мадемуазель, по ряду сложившихся объективных и субъективных причин и ввиду, нижеследующих обстоятельств... – Девчушка деревенеет, но ты, вроде как, не при чем. Сказано же – обстоятельств! И с чистой совестью выметаешься из нее... Из девчушки... ки...

Конечно же, стайл – «псевдочеховский», но эффективности не умаляет.

Мельников приучил, змей! Тимоха долго не мог отделаться от этой фразеологии...

– А какое у тебя хобби? – (она).

– Спорт, книги.

Я конечно же приврал, примазываясь к литературным увлечениям, но только чтобы подстроиться под нее. Читал я тогда мало.

Марание белых листов, свой стук по клавиатуре, – ни тогда, ни сегодня я не воспринимал за настоящую литературу.

– Мы повторяемся... Наверное много общего...

– Расскажи о себе побольше, о детстве...

– До седьмого класса занималась в цирковом кружке...

Боже!!! Когда это было?

Я выпотрошил свое пионерское бытие. А вот и нужный файл!

Из пыльного мешка сыпанули: детская комната школьница при ЖЭУ, ансамбль ложечников (мы дубасили на алюминиевых ложках «во поле береза стояла») на очередном районном конкурсе самодеятельности. А тут, вдруг, на сцене тоненька, неестественно гибкая, как вощенная бечевка, девочка. Вдохновенно отработывала бесценную картонную грамоту, скрупулезно выполняя свои пассажи, радовала нас, демонстрируя некоторые подробности физиологии, игнорируя наши дурные смешки.

Совпадение: Ольга Сур материализовалась в восторженную комсомолку с улицы Макса Горького.

Она ли это была, нет, спросить я, почему-то, смутился.

Она вновь потащила меня на дискотеку. Ее фраза:

– Еще хочу себя показать! -удивила и оттолкнула меня.

Мне же хотелось болтать и бродить по темным аллеям.

Раздосадованный – я спрятался в дачу. Болезненная слабость размазала меня по скрипучей койке.

10. Кроссы, пинг-понг.

«Ребзики» наши бегали кроссы по утрам. Заводилили там Строгов.

Я ленился, ссылаясь на нездоровье.

Жалко, что врачиха из лазарета уехала. Ее сменила раздраженная тетка под пятьдесят. Мы с Тимохой прогустили весь вечер вспоминая — «добрую и нежную». Мне бы быть постарше, или ей моложе. Дежурная печаль переходного возраста. Патологическая тяга к взрослым женщинам. Взаимная – я убеждался не раз. На тот период с ровесницами все было, как-то, сложнее.

Ленка вдруг предложила поиграть в пинг-понг. Я проглотил давешнюю обиду и поскакал за ракетками.

«Ребзики» убежали на «стадик» пинать мяч.

А я продолжил хлопать фанерными ракетками хрустящий шарик.

11. В девичьей палате.

В 23—00, после отбоя.

Я и Володька Мельников, вечный участник абсолютных весовых категорий.

Однажды, на областных соревнованиях, я прогулял (из-

за девочки) день своего веса, а на следующий день сердитый Петрович поставил меня в «абсолютку».

Первая пара – я с Володей!

Его 100 против моих 62 кило! Я отчаянно и долго бодался... Но те соревнования окончились для меня бесславно...

Проникли в палату. Она оказалась не запертой на крючок. Странно?

Там уже был Тимоха. Он возлежал с Леной номер два. По комплекции она более подходила бы Мельникову!

Днем я не сориентировался и сейчас мне пришлось туго. Я слепо шарахался по койкам. Но тут мне пихнули в руки гитару. Я разглядел Аленку и плюхнулся к ней на кровать.

Забренчал и загнусавил:

- Парашюты рванули и приняли вес
- И земля всколыхнулась едва,
- А внизу дивизия «Эдельвейс»
- И «Мертвая голова»...

По исполнению, был награжден кондитерским новшеством – глаженными баранками!

Абсолютно тонкие, поджаристые, хрустящие!!!

В армии, на утюге, я разладил и сжевал их не одну сотню,

тепло вспоминая, ту первую нашу встречу... с ними.

Далее, как обычно, кто-то предложил мазать пастой маленькую палату.

Вынырнув из-под одеяла, в одной ночной рубахе, Ленка, спешно, накинула халатик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.